

Л. Н. Толстой в воспоминаниях Д. А. Олсуфьева

Лев Николаевич Толстой и Дмитровский край — предмет неизменного интереса многих поколений дмитровских краеведов. Этой теме посвящены многочисленные очерки, статьи, некоторые из которых опубликованы в местной и центральной прессе.

С выходом в свет в 2016 г. воспоминаний Д. А. Олсуфьева «Вечный ковер жизни. Семейная хроника» появилась возможность расширить знания, касающиеся истории Дмитровского края, и Толстого, в частности. Многолетняя дружба семей Толстого и Олсуфьева позволила Дмитрию Адамовичу наблюдать писателя в частной жизни, находить черты его героев в окружающей среде, размышлять о творчестве Толстого и его влиянии на членов семьи.

Толстой — частый гость в усадьбе Олсуфьевых Никольское-Обольяново Дмитровского уезда. Анна Михайловна, хозяйка усадьбы, находилась в дальнем родстве с Толстым по линии князя Горчакова. Но близкие отношения семей сложились в то время, когда Толстой (1882 г.) приобрел дом в Хамовниках в соседстве с городской усадьбой Василия Александровича Олсуфьева (двоюродного дяди Дмитрия Адамовича).

Сергей Львович Толстой, сын писателя, вспоминал: «Жили Олсуфьевы в своем доме на Девичьем поле, там, где потом помещалась клиника для душевнобольных. Их большой сад, занимавший больше восьми гектаров, можно было назвать парком; в нем находилась лучшая в Москве орхидейная оранжерея. Он прилегал к саду нашего хамовнического дома. Через забор была проделана калитка, и мы свободно общались с Олсуфьевыми».

Дмитрий Олсуфьев учился вместе с Сергеем Толстым в Московском университете и был частым гостем в Ясной Поляне и Москве, где Митя, так звали его Толстые, был принят как свой.

Лев Николаевич характеризовал Дмитрия как «недалекого человека». Возможно, мягкий и добрый брат Михаил выглядел более выигрышно на фоне подчеркнутого аристократизма Дмитрия. Толстой прочил Михаила в женихи для своей дочери, поэтому часто приезжал в Никольское-Обольяново к Олсуфьевым с Татьяной. Но брак не состоялся. Слишком они были разные. Тихому, флегматичному Михаилу Татьяна казалась слишком энергичной. Уже после того, как развеялись надежды на возможный брак, в разговоре Михаила с Софьей Андреевной Толстой от 15 ноября 1897 года, приоткрылись причины, почему молодые люди одного круга не стали супругами: «Был Миша Олсуфьев, расспрашивал о Тане и Сухотине. Я сказала, что она ему отказала. Слово за слово, разговорились о ней намеками разными, и он очень взволновался. Думал ли он когда на ней жениться? Верно, думал, но не решился. «Ваши дочери очень страстные, талантливые и содержательные, но на них страшно жениться, — сказал он. Я тоже ужасно взволновалась». Михаил так и остался холостяком равнодушным к женскому полу.

Дмитрий Адамович, чья карьера успешно развивалась (с 1907 г. — камергер, с 1911 г. — действительный статский советник, член Госсовета и т.д.), стал для Толстого тем человеком, к которому он обращался с различными письмами-просьбами о смягчении или улучшении участи революционеров.

В дневниках Софьи Андреевны часто упоминается имя Дмитрия Адамовича. Вот одна из последних записей: «29 августа 1918 г. Уехал сын Миша с гр. Дм. Адам. Олсуфьевым в Киев и дальше. Как-то их Господь пронесет. Семья Миши в Железноводске» (Дневники С.А. Толстой. — М., 1978. — Т. 2. — С.463).

Дмитрий Адамович перед тем, как навсегда покинуть Россию, заезжает в августе 1918 года в Ясную Поляну, чтобы попрощаться с дорогими ему людьми, побывать на могиле Толстого в день его 90-летия, и с сыном Толстого Михаилом навсегда покинуть Россию.

Очутившись в эмиграции, Д. А. Олсуфьев публикует воспоминания об исторических событиях 2-й половины 19 в. и людях, с которыми его связывали узы дружбы, родства и политической деятельности.

Олсуфьев много писал о И. С. Тургеневе. Ему посвящены две главы в воспоминаниях «Иван Тургенев» и «Типы у Тургенева и Толстого» («Вечный ковер жизни. Семейная хроника». — М., 2016), статьи «Тургенев. Воспоминания и заметки» в сборнике «На чужой стороне» (Прага, 1925) и «Пророческий пессимизм Тургенева. К 50-летию кончины» (1933).

В юности ему посчастливилось видеть и слышать Тургенева, ставшего для него самым близким по духу и творчеству писателем. А вот Толстому — только разбросанные по всему тексту его высказывания, заметки о творческом процессе писателя, героях, прототипах и т.д. Почему так? И на этот вопрос можно постараться найти ответ, обратившись к его воспоминаниям.

В «Семейной хронике» Олсуфьев даёт широкую панораму жизни русского дворянства, которую так гениально представил Л. Н. Толстой на страницах «Войны и мира», «Анны Карениной». Творчество Толстого уже при его жизни прочно вошло в сознание образованного общества России, оказало огромное влияние на современников.

Без Толстого и его героев уже трудно представить жизнь дворянства. В его произведениях тесно переплелись реальные люди с персонажами произведений. Дмитрий Адамович близко знал всех членов семьи писателя. Он многое видел и прочувствовал, наблюдая Толстого в жизни. Поэтому вся ткань воспоминаний буквально пропитана Толстым, духом того времени. Дмитрий Олсуфьев не понаслышке знал проблемы многочисленной семьи: жить с гением было непросто. Две семьи Олсуфьевых и Толстых — стали прототипами многих героев его произведений. В набросках неоконченного произведения Толстого «Записки матери» Олсуфьев узнаёт свою семью и сложные внутренние семейные отношения. Он пишет: «Наша семья была в духовном плену у Дуброво и моей матери... Я считаю, духовно тяжёл был для семьи Толстых и Лев Николаевич... что-то

фанатично сектантское, а потому и давящее было и в Толстом, и ... в воспитателе Дуброво».

В дневниках Толстого можно часто встретить упоминания об Олсуфьевых. Вот одно из них: «Думал об Ад[аме] Вас[ильевиче], как типе для драмы — добродушном, чистом, балованном, любящим наслаждения, но хорошем и не могущем вместить радикальные нравственные требования». (Никольское. 1 марта 1897 г.)

Вопреки опрощению, которое стал проповедовать писатель, Дмитрий Адамович замечает, что «Толстой, не говоря уже о молодости, но и до самой старости в скрытой основе своей природы был большой «сноб», то есть он любил блеск и красоту жизни: знатность, богатство, светскость. Эти черты признавал в отце и мой товарищ, и близкий друг Сергей Львович, старший сын Льва Николаевича. Толстому-отцу всегда импонировал своим блеском Петербург с его придворно-аристократическим блеском.

Дмитрий Адамович пишет, что особый вес он приобрел у Толстых, когда его придворная карьера пошла в гору: «Толстой и вся его семья и меня-то стала особенно отличать в ту пору моей жизни, когда я выдвинулся в высших петербургских сферах» (Вечный ковер жизни. Семейная хроника. — М., 2016. — С. 290).

Олсуфьев подтверждает, что «художник может писать только о том, что сам пережил... Одну сторону себя Толстой избрал в Пьере Безухове, но сделал из него богача; другую сторону себя же, своё честолюбие и аристократическую гордость, мужество, храбрость он изобразил в князе Андрее, увеличив его тоже в блестящего, богатого аристократа. Левин и Вронский суть повторения тех же типов. Но наружные черты своих героев Толстой брал со своих живых знакомых». Он пишет, что часто узнавал членов своей семьи и знакомых в отдельных чертах героев Толстого. Например, Мисси Корчагина в романе «Воскресение» — это Зося Стахович.

«Князь Д. Д. Оболенский приятель Толстого писал, что эпизод с Вронским на скачках случился со светлейшим князем Дмитрием Голицыным. Но физические

черты, наружность Вронского, по словам самого Толстого взяты с графа Алексея Васильевича Олсуфьева (старшего брата отца Дмитрия Адамовича): сухой, коренастый, с характерными скулами. Но, по внутренним свойствам его дядя нисколько не походил на Вронского, и уже спокойствием, прямодушием и достоинством своих манер на Вронского был похож на Адама Васильевича».

Женские типы Толстой списывал все со своих членов семьи. Дмитрия Адамович предполагает, что и Анна Каренина есть тоже не более, как петербургский вариант всё той же любимицы Толстого Татьяны Андреевны Кузьминской, а сам Каренин есть её муж председатель суда Александр Михайлович Кузьминский, но опять по приему Толстого (из снобизма) увеличенный до размеров аристократического министра в стиле графа Валуева. Отрицательные черты старшей сестры Берс Александры Андреевны, а отчасти и моей матери я узнаю в барыне «Плодов просвещения».

Вспоминая помещиков Дмитровского уезда, Дмитрий Адамович пишет, что Толстой ездил знакомиться с Апраксиными в усадьбу Ольгово. Хозяйка Анна Михайловна была высокой, важной красивой старухой, соблюдала при деревенской жизни почти придворный этикет; держалась и сидела всегда прямо, милостиво разговаривала; при жестах своих рук никогда не отделяла локтей от туловища. В «Воскресении» она похожа на жену генерал-губернатора в Сибири.

Олсуфьев подчеркивает, что Толстой был самого презрительного мнения об интеллекте женщины: всех он их считал в мужском смысле ума более или менее дурами. Он не признавал в женщинах ума отвлеченного, логического. Но зато высоко ценил в женщинах непосредственное, сердечно-интуитивное понимание вещей.

Олсуфьев, зная хорошо светских знакомых Толстого, называет то или иное лицо, послужившее прототипом его произведений: младший брат Адама Васильевича Олсуфьева «Александр был почти фотографически описан Толстым в «Воскресении» под именем Богатырева.

В «Воскресении» я тогда же узнал категорию молодых людей моего типа в камер-юнкере Селенине, чиновнике Сената, и тогда я был обижен и протестовал ... за такое меня трактование».

Селенин, товарищ обер-прокурора, бывший приятель Нехлюдова, стал для него чуждым как представитель власти. В романе Толстой описывает Селенина как «хорошо образованного светского человека, с большим тактом, всегда элегантно и красивого и вместе с тем необыкновенно правдивого и честного». Дает его портрет: «среднего роста, сухой, бритый молодой человек с очень темным цветом лица и черными грустными глазами».

В тот период, когда писался роман «Воскресение», Толстой критически отнесся к поискам поля деятельности молодого графа.

Из дневника Л. Толстого: «6 января 1895 г. Никольское. Два раза спорил с Дмитрием Адамовичем. Он пристроил себе практическое в славянофильском духе служение народу, то есть пуховик, на котором лежать, не работать. Все дело в том, что они признают жизнь неподвижной, а не текущей. Что-то очень важное думал вчера и забыл. Михаил Адамович явно боится Тани. И очень жаль. А она худа и бледна».

Не одобряет Толстой и религиозности Дмитрия Адамовича, о чем он пишет в дневнике 3 января 1910 г.: «...Ездил с Олс[уфьевым] верхом. Он православный из приличия...».

Несмотря на нелестные характеристики Толстого, взявшего привычку всё подвергать сомнению и осуждению, Дмитрий Олсуфьев пригодился не только писателю, но и много сделал полезного, будучи на государственной службе. В 1891 году он стал земским начальником в Московском уезде, гласным и мировым судьёй в Дмитровском уезде, предводителем дворянства в Камышине (1893-1902), позже председателем Саратовской губернской земской управы. И вся его деятельность была направлена на улучшение жизни в Камышине и Саратове.

Возможно, для образа Селенина Толстой взял внешний облик Олсуфьева, тип молодого светского человека, который нужен был писателю для выражения собственных мыслей, направленных на обличение государственного устройства

России. Для этой цели Толстой не жалел красок. «Воскресение» стал последним романом Толстого, в котором острая критика власть имущих отразила нравственный переворот, произошедший с ним самим. В романе очень много личного, в том числе, и грехи молодости Толстого, и желание покаяться и изменить свою благополучную жизнь помещика.

Дмитрий Адамович часто цитирует Толстого по тому или иному поводу, но в воспоминаниях нет душевной теплоты, которая бы осветила образ писателя. Он отдаёт должное Толстому, как автору замечательных произведений, прозорливому и беспощадному художнику, но все-таки Толстой был ему чужд своими идеями и проповедничеством. Он считал его виновником тяжелой атмосферы, которая царила в семье в последние годы жизни писателя.

Но влияние личности и творчества Толстого на Олсуфьева были слишком велики, этого он и не скрывал. Будучи в изгнании, Дмитрий Адамович с удовольствием перечитывает его произведения: «Не торопясь, перечитываю успокоительную «Анну Каренину», эту Одиссею старой дворянской России. Читаю с интересом, но не восхищаюсь. Вронский мне кажется в мои годы (68) пошлым. Вообще «дворянщина» этого романа (выражение Тургенева) мне теперь претит. Но всё же очень интересно. Но с «Войной и миром» и сравнить нельзя. Толстой при всей своей часто напускной скромности не мог не сознавать своего необъятного дарования. М. Горький сообщает, что как-то Толстой с глазу на глаз ему сказал, «Война и мир» и «Анна Каренина» — это русские «Илиада» и «Одиссея». Нескромно, но как гениально-метко сказано!»

В воспоминаниях Д. А. Олсуфьева Лев Толстой — живой человек, которому присущи и слабости, и заблуждения. Автор ни в малой степени не умаляет его гениальности, только добавляет штрихи к его сложной и многогранной личности.

Лев Толстой для Олсуфьева — неотъемлемая часть России, о которой он пишет с незатухающей болью, мечтая дожить до её освобождения, чтобы обрести последний покой в любимом Никольском.

Лето-осень 2018 г.